

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РУССКОГО
ДИАЛЕКТНОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ РЕЧИ)

Н. Ю. Баженов

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева*

При изучении креативного потенциала языка следует выделять, с одной стороны, индивидуальные проявления креативности, с другой стороны – социокультурный контекст. В этом смысле исследование функций и узуальных проявлений словотворчества в различных нелитературных формах национального языка предполагает обращение не только к внутренним законам языка, но и к картине мира, которая задаёт определённое отношение человека к объектам окружающей действительности и в значительной степени определяет нормы поведения [Постовалова 1988: 25–26].

В числе наиболее значимых для русской культуры концептуальных категорий традиционно выделяется *слово* [Эпштейн 2005]. Высокая культурная нагрузка семантики понятия *слово* выражается прежде всего в том, что в наивном языковом сознании оно олицетворяет не единицу языка, выполняющую номинативную функцию, а *речь* в целом [Вендина 2016]. В русском языке выделяется обширное лексико-семантическое поле «речевых слов» (по терминологии В. Г. Гака) – наименований, связанных с речевой деятельностью (*говорить, сказать, речь, слово, разговор, говорящий* и т.д.). Так, в «Русском семантическом словаре» представлено свыше 500 наименований речевых действий и жанров (глаголов и имён существительных) [РСС 2003: 279–313]; в докторской диссертации М. В. Шамановой исследуется 2659 лексем (2820 семем) и 1107 фразеологических единиц, семантически связанных с речевой коммуникацией [Шаманова 2014].

Обширны границы ЛСП «Речь» и в диалектных системах русского языка. Например, в нижегородских говорах отмечается не меньше 750 глаголов говорения [Коршунова 2002]; лексико-семантическая группа орловских глаголов говорения, описанная Ю. А. Бессоновой, насчитывает 777 лексем [Бессонова 2011: 35];

системную семантическую дифференциацию 425 диалектных глаголов говорения, отмеченных в тульских говорах, описывает Н. А. Красовская [Красовская 2013: 29]. По нашим подсчётам, в пятидесятидвухтомном «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) содержится не менее 4395 наименований речи – лексических и фразеологических. Количественное распределение этих лексико-фразеологических единиц по микрополям в составе ЛСП «Речь» отображено на диаграмме на рисунке 1.

Рис. 1. Структура ЛСП «Речь» в диалектах русского языка (по результатам выборки из СРНГ)

Кроме того, конститuentы ЛСП «Речь» в русском языке имеют высокий потенциал для развития и проявления коннотаций, что особенно ярко проявляется в диалектной лексике. По мысли Т. И. Вендиной, «мощные коннотативные включения» характеризуют семантические поля, связанные именно с ключевыми категориями культуры, поскольку «слово стремится не только описать мир, но и объяснить его» [Вендина 2016: 12].

Наше исследование выполнено на материале русского языка и, в частности, лексики его диалектов. Соответственно, мы описываем творческий аспект языка на материале лексической системы

языка, конкретно – семантики лексических единиц русских народных говоров. В диалектной картине мира (ДКМ) словесное творчество можно рассматривать как объект номинации – путём описания значений слов и фразеологизмов, связанных с речевым общением – и как способ образования номинативных единиц указанной семантики. Так как единственной формой реализации диалектов русского языка является устная разговорная речь, она же и выступает главным объектом номинации.

Поскольку речь представляет собой сложное, многоаспектное явление, в настоящей статье ограничимся описанием лексико-фразеологических единиц, обозначающих передачу в процессе общения определённых сообщений, т.е. характеризующих аспект содержания речи (в частности, тему, смысловую наполненность, актуальность / неактуальность для участников общения, отношение содержания речи к истине – правда / ложь) и отражающий творческую составляющую речевой деятельности, направленной на создание устного сообщения или рассказа о ком- / чём-либо. Объём выборки из областных словарей русского языка и из СРНГ составил 1504 номинативные единицы.

Лексика русских говоров неоднородна с точки зрения общенационального узуса и включает в себя общерусские слова и фразеологизмы (составляющие основу лексики любого говора), диалектно-просторечные единицы (общие для большинства говоров и просторечия, являющиеся сниженными с точки зрения литературного языка) и собственно диалектные (областные) единицы, не известные за пределами системы диалекта [Блинова 1971: 102]. В данной работе мы ограничимся примерами слов и фразеологизмов, зафиксированных в областных (диалектных) словарях русского языка и представляющих собой собственно диалектные единицы, не известные литературному языку (твер. *уповедь* – ‘рассказ’; СРНГ 47: 264) или диалектные варианты общерусских слов, прежде всего словообразовательные (*сказник* – ‘сказочник’: *Грек был, так его считали сказник*. Казаки-некрасовцы; СРНГ 37: 366) и семантические (например, *разговаривать* – ‘рассказывать’: *Сам про себя разговаривал, обо всём поведал нам*. Новг.; НОС: 996).

Семантика диалектных лексических единиц «впитывает» смыслы, наиболее важные для диалектного социума, сформировавшегося в условиях вековой стратификации российского общества, для большей части которого ещё в начале XX в. не было доступно полноценное среднее образование, а следовательно, эта часть языкового сообщества практически не имела представления не только о нормах литературного языка, но и о концептуальных рамках, устанавливаемых им через посредство художественной литературы, науки и средств массовой коммуникации. Отсюда акцентуализация на эмпирический, а не логико-понятийный компонент значения языковых единиц, что отражается в ярких образных внутренних формах диалектных слов [Демидова 2011].

Кроме того, до настоящего времени сохраняется территориальная и социокультурная обособленность русского диалектного коллектива, который был и остаётся представлен преимущественно сельскими жителями. Отсюда своеобразие ДКМ как «субстрата» национального языка: составляющие ДКМ региональные картины мира, «сохраняют в течение определённого периода времени после создания национального языка особые качества, связанные с их большой близостью к исконным занятиям человека, традиционному образу жизни, натуральному хозяйству» [Радченко, Закуткина 2004: 26]. В числе упомянутых качеств следует назвать консервативный мифолого-религиозный способ объяснения явлений окружающего мира, который позволяет непосредственно соотносить понятия диалектная картина мира и *традиционная духовная культура*, которая характеризуется тем, что любое свойство или всякий поступок человека осмысливается с точки зрения веками формировавшихся негласных морально-этических норм [Вендина 2016].

Перечисленные особенности диалектного мировосприятия проявляются в том числе при вербализации речи. Номинации подвергаются разные составляющие этого процесса: определённый жанр речи, её смысловая наполненность, актуальность или (чаще) неактуальность темы и сообщаемой информации, соответствие или (чаще) несоответствие истине того, о чём говорится.

Идею словесного творчества как уникального и индивидуального продукта речевой деятельности непосредственно выражает

пласт наименований с семантикой рассказа, сообщения (как речевого действия и как жанра речи и устного народного творчества). Эти лексические единицы мы объединяем в микрополе «Сообщение, рассказ», ср.:

переводить – 4) ‘пересказывать, рассказывать что-либо’

Я переводить не стану, не умею рассказывать-то я; Верка-то лучше перескаже-то. Арх. (СРНГ 26: 54);

разговор – 3) ‘рассказ, сказка, былина’

*Много **разговоров** есть всяких.* Арх. (СРНГ 33: 305-306);

наговорочка ‘прибаутка, рассказ’

У меня в садичке соловей поёт, / Наговорочки сам он наговаривает. Том. (СРНГ 19: 202);

сказка – ‘то, что рассказывается, сообщение, рассказ’

*Вы-то говорите, дак по **сказкам**-то вашим желудок-то и расстроился.* Арх. (СРНГ 37: 365);

сту́па – ‘чапушка’

*Бабушка рассказывала, что пели парни одному мужику озорну **ступу**, так он-то со стыда сгорел.* Новг. (НОС: 1152).

Как показал семантический анализ диалектного материала, конstituенты лексико-семантических группировок в составе ЛСП «Речь» имеют высокий коннотативный потенциал. При этом нельзя не отметить полярность оценок в диалектных наименованиях: речь может быть оценена одобрительно, однако критические оценки гораздо более частотны (ср., в частности, соотношение количества обозначений лживой и правдивой речи на диаграмме выше). Так, можно выделить, с одной стороны, наименования «позитивного» словесного творчества, которое выражается в передаче важной и полезной информации, в занимательном рассказе и просто в умело выстроенной речи, которую приятно слушать, ср.:

распятнать – ‘разъяснить, объяснить’

*Спасибо, ты мне всё **распятнал** так, что я всё учуял [понял].* Вят. (СРНГ 34: 199);

сказительник – ‘тот, кто умеет хорошо, интересно рассказывать; рассказчик’

О, этот старик – сказительник. Примется говорить, только слухай, весь белый свет объездил. Новг. (НОС: 1088);

говорок – 2) ‘краснобай, мастер говорить, бойкий на язык человек’

Аи да говорок Митроша стал; и откуда же у него речи берутся... На диво занятно говорит. Ворон. (СРНГ 6: 257-258);

загудливый – ‘весёлый, бойкий на язык, интересный в разговоре’

Дед-то наш загудливый, много слышал, с ним и поговорить хорошо, интересно. Он уж такой загудливый, рот откроеет, а уж мы все смеёмся. Моск. (СРНГ 10: 34);

Положительная характеристика увлекательной и полезной информации может дополняться оценкой внешних свойств речи – например, приятного голоса: свердл. **увечающий** ‘убедительный, проникновенный (о голосе)’ (*Голос-от учительницы увечающий, дак её и понимают*) (СРНГ 46: 172).

Бессодержательная, глупая или лживая речь характеризуется наименованиями, в контексте проявляющими отчётливую отрицательную коннотацию. Коммуникативно значимыми оказываются следующие признаки:

а) невысокая смысловая нагрузка, ср. новг. **лалакать** – ‘пустословить’ (*Хватит лалакать попусту*) (НОС: 493); хакас. **собирать вокруг головы да в пазуху** – ‘говорить вздор, бессмыслицу’ (*Собрались дело обсудить, а собираем вокруг головы да в пазуху*) (СРНГ 39: 162);

б) обильное говорение (наряду с низким интеллектуальным содержанием того, о чём говорят), ср.: карел. **барахтать** – ‘говорить много и попусту’ (*Барахчи, барахчи, делать тебе больше нечего*) (СРГК 1: 39);

в) неактуальность содержания речи и неуместность самого процесса речи в ситуации говорения (как правило, по сравнению с трудовой деятельностью, от которой отвлекается говорящий), ср.: новг. **балакать** – ‘болтать, разговаривать о пустяках’ (*Топерь бы только балакать, а дела стоят*) (СГКЗ: 8); вят. **балдеть** – ‘бол-

тать, пустословить' (*Балдеть-то некогда*) (ОСВГ 1: 43); *раздабаривать (раздабарывать)* – 'вести пустые разговоры' (*Полно раздабаривать, пора приниматься за дело.* Курск.) (СРНГ 33: 319);

г) несоответствие содержания речи истине, ср.: смол. *городить мох с болотом* – 'говорить о чём-либо неправдоподобном, говорить нелепости, чушь' (СРНГ 7: 58).

Антиномичность ДКМ иллюстрируется примерами словоупотреблений, в которых говорящий сравнивает пустую, неуместную и «неправильную» речь с нормальной, ср.: ворон., том. *буробить* – 7) 'говорить пустяки, вздор; болтать' (*Буробить лишно я не могу, а правду и по делу говорить люблю.* Том.) (СРНГ 3: 295); волог. *мелет да боронит* кто-либо – 'о говорящем бессвязно, невнятно; говорящем вздор' (*Этот знающий мужик, а этот мелет да боронит и всё*) (СГРС 1: 125); беломор. *говорить, чтобы слово слово родило* 'говорить очень складно, связано, гладко' (*Худо-то не войте, надо складно, чтобы слово слово родило*) (СРНГ 38: 294).

Чувственно-ассоциативный способ восприятия проявляется в переносных, образных значениях диалектных слов. Содержание речи представляется абстрактным объектом, который представлен большим количеством метафорических номинаций (по нашим подсчётам, образными следует считать 31% наименований, связанных с содержанием речи и зафиксированных в СРНГ). По нашим наблюдениям, в лексических характеристиках содержания речи наиболее частотны предметные, пространственные и зооморфные образы.

Уподобление речи материальному объекту реализуется в сценарном образе размешивания, перебора, размазывания, разрыхления определённой субстанции, ср. вят. *перебирать* – 'говорить вздор, пустословить; сплетничать' (*Ты зачем перебираешь чего не надо?*) (ОСВГ 7: 223); новг. *трабачель валять* – 'пустословить' (*У нас бабы на завалинке целый день трабачель валяют*), где *трабачель* – 1) 'топкое, зыбкое место на дороге' (НОС: 1198); дон. *мести, как помелó (помелóм)* – 'болтать, пустословить, врать' (СДГВО 3: 345). В наименованиях бессодержательной и лживой речи этот образ символизирует пустое, бесполезное заня-

тие. Однако семантическое варьирование данного образа широко, и он используется также при обозначении красноречия, ср. волог. **разма́з** – ‘красноречивый говорун, краснобай’ (СРНГ 34: 10).

Отметим синонимичные метафоры, которые также характеризуются широким лексическим и семантическим варьированием:

а) образ конструирования (плетения, лепки, сворачивания и т.д.) материального предмета, ср. омск. **плести корзинку** – ‘обманывать, лгать’ (*Говорит неправду, корзинку плетёт*) (СРНГ 27: 118); курск. **крутить шарики** – ‘одурачивать, обманывать’ (СРНГ 15: 327); **сварна́кать** – 2) ‘сказать что-либо нелепое, вздорное, неразумное’ (*Что-то ты, Иван, сварнакал – совсем не похоже на правду*. Ворон.; тул., ряз., орл.), в первичном значении **сварна́кать** – 1) ‘сделать что-либо наскоро, небрежно, кое-как’ (южн.) (СРНГ 36: 214), а также арх. **сплести́** ‘произнести что-либо’ (*Духу не хватает ничего мне и не сплести*) (СРНГ 40: 160);

б) образ сбора, нанизывания, наматывания материальных предметов, ср. **собира́ть** – 14) ‘говорить вздор, бессмыслицу, болтать попусту’ (*Чё ты собираешь там, болтаешь да врёшь? Говори дело, собирать хватит*. Хакас.) (СРНГ 39: 162); дон. **навертеть на кривое веретено** – ‘наболтать, наврать, наговорить лишнего’ (СДГВО 3: 402), а также **собирать** – 14) ‘говорить, противоречить’ (иркут.) (СРНГ 39: 162), **собира́ло** – 3) ‘человек, умеющий и любящий рассказывать сказки, небылицы, анекдоты’ (урал.) (СРНГ 39: 159).

Пространственная метафора реализуется в сценарии улучшения речи движению в определённом направлении, которое в наименованиях с семантикой рассказа, как правило, последовательное и прямое, ср.: **переть** – 14) ‘говорить по существу дела’ (калуж.) (СРНГ 26: 251), в первичном значении общерус. **переть** – 1) ‘продвигаться, не считаясь с препятствиями, с запретом’ // ‘действовать решительно, напролом, стремясь добиться чего-либо’; свердл. **говорить по путё** – ‘высказывать правильные, дельные мысли’ (СРНГ 6: 256); среднеобск. **рассказать слово до слова** – ‘рассказать очень подробно, ничего не пропуская’ (СРНГ 38: 294).

Особенно ярко указанная метафора проявляется во фразеологизмах, в которых чётко обозначен «пункт назначения», ср. перм.

на языке до Сибири уехать – ‘много рассказать что-либо’ (СРНГ 46: 322). В то же время в наименованиях бессодержательной и лживой речи представлен образ хаотичного движения без определённой цели и направления, ср. **колобродить** – 4) ‘много болтать, пустословить, нести вздор, чепуху, глупости; врать’ (ср. урал.; енис., якут., тамб.), ср. диал. **колобродить** – 1) ‘плутать, блуждать, сбившись с дороги’ (влад., кубан.), 2) ‘шарить, искать что-либо в темноте, наугад’ (олон.) (СРНГ 14: 147); пск. **метаться языком** ‘говорить вздор, болтать попусту’ (СРНГ 18: 136).

Зоометафора выражается в переносе каких-либо свойств животного на говорящего человека. Бессодержательное говорение уподобляется голосовым звукам животных, ср.: **кудакать** – 3) ‘пустословить, болтать’ (пск., твер.), в первичном значении ‘кудахтать (о курице)’ (костром., ср. волж., пск., ряз.) (СРНГ 15: 396); **блекотать** – 3) ‘пустословить, говорить вздор’ (*Глупости тебе блекотала, ты и поверил.* Тул.), в первичном значении ‘блеять (об овце)’ (волог., пск., твер., тул., моск., калуж., южн., зап.) (СРНГ 3: 18).

Частным случаем реализации зооморфной метафоры можно считать соотнесение речи с материальными объектами, связанными с животными, ср. самар. **шлейть** – ‘много говорить, болтать без умолку’ (ТССГ: 161), производное от общерус. **шлея** – 1) ‘часть сбруи в виде ремня, идущего от хомута вокруг туловища лошади и скрепленного поперечными ремнями, идущими через спину’, 2) ‘разновидность широких лямок, заменяющих хомут в шорной упряжи’, 3) ‘широкий ремень, охватывающий грудь лошади и заправленный под подпругу’ (НСРЯ). В данном примере можно говорить о соотношении зооморфного образа и мотива движения, отражённого в пространственной метафоре: обильное говорение уподобляется езде на большие расстояния (в данном случае на лошади).

Таким образом, слово и речь в целом – важный объект рефлексии в русской культуре. Нетривиальный, творческий характер диалектной номинации выражается:

- а) в многообразии признаков, маркирующих речь;
- б) в большом количестве лексических единиц, обозначающих одни и те же признаки речи в разных диалектах;
- в) в широком варьировании образной семантики.

Сказанное позволяет сделать вывод о высоком креативном потенциале русского языка, и особенно его диалектов, при вербализации культурно значимых понятий, к которым относится речь. Несмотря на то, что диалектная речь не представлена многообразием речевых жанров, которым характеризуется литературный язык, она отражает первичные, культурно значимые смыслы и коннотации.

Список сокращений

арх. – архангельское; беломор. – беломорское; брян. – брянское; волог. – вологодское; ворон. – воронежское; вят. – вятское; дон. – донское; енис. – енисейское; зап. – западное; иркут. – иркутское; калуж. – калужское; карел. – русские говоры Карелии; костром. – костромское; курск. – курское; моск. – московское; новг. – новгородское; общерус. – общерусское; орл. – орловское; пенз. – пензенское; перм. – пермское; ср. волж. – средневожское; пск. – псковское; хакас. – русские диалекты Хакасии; ряз. – рязанское; самар. – самарское; сарат. – саратовское; свердл. – свердловское; сиб. – сибирское; смол. – смоленское; ср. обск. – среднеобское; ср. урал. – среднеуральское; твер. – тверское; том. – томское; тул. – тульское; урал. – уральское; южн. – южное; якут. – русские говоры Якутии.

Литература

НОС – Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН, изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

НСРЯ – Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 25 ноября 2020 г.).

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–8. Киров, 1996–2012.

РСС – Русский семантический словарь / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. III. М.: Азбуковник, 2003. 630 с.

СГКЗ – Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи / Ин-т лингв. исслед.; КГУ им. Н. А. Некрасова. СПб.: Наука, 2013. 650 с.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост.: Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. Вып. 1–6. Волгоград, 2006–2011.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой, С. А. Мызникова. Вып. 1–51. М.–Л., СПб.: Наука, 1965–2019.

ТССГ – Баженова Т. Е. Тематический словарь самарских говоров. Самара: Изд-во СГСПУ, 2020. 192 с.

Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.

Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре // Звезда. 2005. № 10. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/10/slovo-i-molchanie-v-russkoj-kulture.html> (дата обращения: 25 ноября 2020 г.).

Вендина Т. И. Слово в языке традиционной духовной культуры // Мир русского слова. 2016. № 4. С. 12–18.

Шаманова М. В. Коммуникативная лексика русского языка: состав, семантика, функционирование: дисс. ... доктора филол. наук. Ярославль, 2014. Т. I. 463 с.

Коршунова Л. С. Лексико-семантические группы глаголов говорения, мыслительной деятельности, чувства в говорах Нижегородской области: дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2002. 367 с.

Бессонова Ю. А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и говорах // Филологические науки: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (8). С. 33–37.

Красовская Н. А. Организация и функционирование диалектных антропоцентрических глаголов (на материале тульских говоров): автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Курск, 2013. 44 с.

Радченко О. А., Закуткина Н. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25–48.

Блинова О. И. Лексика диалекта (с точки зрения её соотношения с формами национального языка) // Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1971. С. 102–109.

Демидова К. И. Диалектная лексика в психолингвистическом аспекте (на материале ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2011. С. 32–40.